
Б. Н. ПУТИЛОВ

«Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция

Текст «Про Мамаю безбожного», опубликованный в сборнике А. Н. Афанасьева, был записан А. Харитоновым в Шенкурском уезде Архангельской губернии от неизвестного нам лица.¹ И Афанасьев, и позднейшие исследователи считали, что источником этого произведения было «Сказание о Мамаевом побоище», известное народному читателю и по старым рукописям, и по лубочному изданию. Это предположение полностью подтвердилось в результате обстоятельного текстологического анализа, произведенного Л. А. Дмитриевым. «Про Мамаю безбожного» — произведение, обязанное основным своим содержанием, развитием сюжета, составом персонажей и их именами «Сказанию о Мамаевом побоище». В то же время оно не является простым пересказом или фольклорным переложением «Сказания», оно развивает — подчас независимо от древнерусского памятника — его тему, оно значительно осложнено фольклорной образностью и стилистикой, непосредственно идущими от живой фольклорной традиции.

Л. А. Дмитриев имел все основания предположить, что произведение «Про Мамаю безбожного» было создано как устный рассказ («историческая сказка») тем лицом, от которого сделал свою запись А. Харитонов.² Другими словами, произведение это принадлежит позднему фольклорному творчеству. Ничто не доказывает, что оно прошло более или менее долгий путь устной передачи от поколения к поколению. Вся стилистическая система рассказа отмечена печатью яркой индивидуальности — в тех границах, конечно, какие свойственны фольклорному творчеству. Система эта включает по крайней мере четыре слоя: эпический, сказочный, книжный, разговорный. Перед нами именно система, потому что различные стилистические элементы непрерывно взаимопроникают и взаимодействуют. В разных частях текста такое взаимодействие неравно, и рядом с удачными местами есть места, отмеченные художественным эклектизмом и явной стилизацией.

Изучение эпического стилистического слоя заставляет предположить, что автор-рассказчик был одновременно и сказителем. Чтобы так легко и свободно, в столь различном повествовательном контексте применять былинные выражения и формулы, он должен был не просто хорошо знать

---

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. В трех томах, т. III. [М.], 1940, стр. 39—46, № 317.

² Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, стр. 304—313. (Машинопись. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР).

былину, но и владеть искусством ее воспроизведения, искусством своеобразной эпической импровизации.

Былинные формулы — эта первооснова былинной стилистики и опорный элемент творчества певца — характеризуются некоторыми важными особенностями. Они не универсальны и не безличны. Соответствующие формулы появляются всякий раз «для выражения данной существенной идеи».³ Некоторые формулы более или менее определенно привязаны к ситуациям, повторяющимся не часто и характерным для одной или нескольких былин. По формулам, вырванным из контекста, можно в ряде случаев узнать, какой былине они принадлежали или какую ситуацию выражали.

Ныне установлено, что формулы стилистически локальны и даже больше того — индивидуальны. Стилистика эпических формул в их конкретности отражает более или менее устойчивую практику отдельных былинных школ или исполнителей. Недавно была выдвинута идея о том, что формулы могут служить надежным средством паспортизации былин.⁴

С точки зрения этих общих соображений эпическая стилистика «сказки» «Про Мамаю безбожного» подлежит специальному изучению. В «сказке», по моим подсчетам, около 25 (не считая повторений) былинных реминисценций. Большинство былинных выражений и формул применено к месту: соответствующие ситуации в «сказке» представляют собой аналогии к былинам. Например, в «сказке» читаем: «Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью». «Рвал свои черные кудри. . .» — это формула, которая в былинах передает гнев и ярость чужеземного (чаще всего) царя. «Да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны» — такими предстают в «сказке» татарские богатыри после того, как Захар Тютрин, избив их, отпускает назад к Мамаю. Аналогичная формула чаще всего появляется в былине о Чуриле Пленковиче, когда речь заходит о княжеских слугах, возвращающихся после злополучной для них встречи с Чурилой.

В «Сказке» князь наказывает, «чтоб собирали рать — силу несметную по городам с пригородками, по сёлам и присёлкам и по всем дальним печищам». В былинах сходная формула применяется обычно в эпизоде пожалования богатыря князем. В «сказке» устойчивое эпическое выражение попадает в совсем иной контекст.

Поскольку автор-рассказчик в «сказке» никак не был связан метрическими условиями, былинные формулы у него носят более свободный характер, они прозаизированы, дополнены иногда деталями, для эпоса не характерными, и включены естественно в общий поток повествования. Тем не менее сказительский навык ясно проявляется в том, что формулы эти ритмически более организованы и более завершены внутри контекста, сравнительно с другими частями повествования. Иными словами, автор-рассказчик время от времени как бы превращался в сказителя, хотя и не полностью. Перед нами очень любопытный случай творческой работы мастера фольклора — из тех, что не часто встречаются исследователям.

Есть некоторые материалы, позволяющие рассмотреть эпический слой «сказки» на фоне ближайшей к нему былинной традиции.

А. Харитонов, записавший «сказку», известен также записями ряда других сказок и былин, сделанными в том же Шенкурском уезде Архан-

³ A. Lord. *The Singer of Tales*. Cambridge, 1960, стр. 4.

⁴ См. об этом: П. Д. Ухов. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин. — В кн.: *Русский фольклор. Материалы и исследования*, II. М.—Л., 1957.

гельской губернии. Былины напечатаны во II—IV выпусках «Песен, собранных П. В. Киреевским». Всего здесь 12 текстов на 10 сюжетов. Кроме того, в собрании Киреевского находится еще несколько былин, записанных в Шенкурском же уезде другими лицами. Никакими сведениями о певцах мы не располагаем и ничего не знаем о том круге исполнителей, какой стоит за известными нам записями. Однако некоторые заключения и предположения по этому вопросу можно сделать. Несомненно, например, что две былины («Илья Муромец и Сокольник» и «Добрыня и Василий Казимирович») записаны дважды от одних певцов — Харитоновым и Кузмищевым.⁵ Несомненно также, что две версии былины «Илья Муромец и Сокольник» и две версии былины «Илья Муромец и Идолище» записаны Харитоновым от разных певцов.⁶

Относительно остальных былинных текстов можно заметить пока следующее: степень стилистической и иной общности в них такова, что у нас нет каких-либо оснований относить их к одному певцу или группировать вокруг нескольких певцов.

Некоторый дополнительный материал для изучения эпического окружения «сказки» «Про Мамаю безбожного» дает записанная Харитоновым в том же уезде бывальщина «Алеша Попович»: в ней очень хорошо сохранена былинная стилистика.⁷

Текстологическое изучение «сказки» «Про Мамаю безбожного» на фоне шенкурских былинных записей позволяет прийти к выводу, что эпический слой в ней по своему стилистическому оформлению и по характеру применения эпических элементов принадлежит местной былинной традиции. Другими словами, автор-рассказчик должен был принадлежать к шенкурской школе певцов. Не удовлетворившись этим наблюдением, я попытался выяснить более конкретные связи между «сказкой» и отдельными шенкурскими былинами.

Вот как изображается богатырский поединок в «сказке»: «Палицами ударились — палицы по чъвья поломались; копьями стокнулись — копыа извернулись; саблями махнулись — сабли исщербилась; скакали они со добрых коней и билась они рукопашным боем, и билась они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, билась не едаючи; на четвертой день оба тут и успокоились».⁸ Буквальное совпадение с частью этого текста дает бывальщина об Алеше Поповиче: «Палицами ударились — палицы по чъвьям поломались, копьями соткнулися — копыа чъвьям извернулися, саблями махнулося — сабли исщербилася». Далее текст побывальщины иной, так как по-иному строится повествование.⁹

Общность формулы поединка в двух текстах полностью подпадает под правило, установленное П. Д. Уховым: «Если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна».¹⁰

В одной былине об Илье Муромце и Сокольнике формула поединка хотя и близка к приведенной выше, но все же не совпадает с нею:

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1. М., 1860, стр. 46—52; вып. 4. М., 1862, стр. 6—12 (ср. прим. на стр. 6); вып. 2. М., 1861, стр. 83—87 и подстрочные разночтения к тексту.

⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 6—12 и 12—18; стр. 18—21 и 22—38.

⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 18—20, № 312.

⁸ Там же, стр. 43, № 317.

⁹ Там же, стр. 20, № 312.

¹⁰ П. Д. Ухов. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин, стр. 137.

Вперьвые палками ударились —
 У палок цевья отломались,
 Друг дружку не ранили;
 Саблями острыми ударились —
 Остры сабли приломались,
 Друг дружку не ранили;
 Острыми копьями кололись —
 Друг дружку не ранили;
 Бились, дрались рукопашным боем,
 Бились, дрались день до вечера,
 С вечера бьются до полуночи,
 С полуночи бьются до бела света...¹¹

Еще дальше формула поединка в другой былине об Илье Муромце и Сокольнике, хотя и относительно ее можно сказать, что она принадлежит той же школе.¹²

Формуле в «сказке» — «И бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи» — соответствует описание боя в былине о нашествии Батыя:

Бьются-рубятся двенадцать дней.
 Не пиваючи, не едаючи.
 Добрым копям вздохам не даваючи.¹³

Былина о нашествии Батыя вообще дает основной набор аналогий к эпическому слою в «сказке», и не только чисто стилистических. Прежде всего в сюжетном плане как целое она представляет собой параллель к «сказке» «Про Мамаю безбожного». В «сказке» Мамай «писал свои ярлыки скорописчатые», в которых заявлял о решимости воевать «с святой Русью».¹⁴ В былине Батый «писал ярлыки скорописчатые», посылал татарина в Киев с угрозой взять в плен князя с княгиней, победить богатырей и т. д.¹⁵

В «сказке» большую роль в решении князя Дмитрия организовать отпор Мамаю играет «калика перехожая — сумка переметная»: он склоняет Дмитрия отвергнуть советы бояр.¹⁶ В былине калика перехожая появляется в самый критический для Владимира момент: князь, получив ультиматум от татар, идет в церковь, навстречу ему переодетый богатырь:

— Не зови меня нищей каликой перехожею,
 Назови меня старым казаком Ильей Муромцем¹⁷

И в «сказке», и в былине есть мотив посольства — хотя и в разном контексте; есть мотив собирания русской силы для отпора татарам, мотив распределения сил, мотив бегства татар. На этих двух последних стоит задержаться. В «сказке»: «Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям... Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонской князь Дмитрий Иванович, другой — русской посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганых итти?» и т. д.¹⁸

¹¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, стр. 50; ср.: вып. 4, стр. 11.

¹² Там же, вып. 4, стр. 15.

¹³ Там же, стр. 44.

¹⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 39.

¹⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 39.

¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 41—42.

¹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 42.

¹⁸ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 42.

В былине (после того как Илья Муромец отправился «созывать сильных богатырей» и они приехали к Киеву):

Метали жеребей промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,
Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в сердку силы, в матицу;
Доставалася Самсону рука правая,
Никите с Алешей рука левая,
Ильйке доставалась середка силы, матица.¹⁹

В «сказке»: «Побежали поганые татары по чисту полю, прибежали поганые татары в зыбкую орду, в этой орде поганые татары и живот скончали».²⁰

В былине:

Убирался Батый царь с большими убытками,
С большими убытками, с малыми прибытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною,
На мелких судах, на павозках.²¹

Всего этого еще недостаточно, чтобы идентифицировать исполнителя «сказки» и былины о нашествии Батыя как одно лицо. Но предположить, что оба произведения записаны от одного сказителя-сказочника, у нас есть достаточно оснований.

Выше отмечалось одно совпадение в формулах «сказки» и бывальщины «Алеша Попович». Вот еще один пример такого совпадения. В «сказке»: «Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругима шелковыми не ради басы, ради крепости».²² В бывальщине: «Выводил Алеша своего доброго коня, оседлал во черкаское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости».²³

Если учесть, что сюжеты «сказки» и бывальщины имеют очень мало общих ситуаций, то два совпадения в формулах сами по себе весьма значительны.

Аналогичная формула седлания коня в шенкурских былинах встречается дважды. В первом случае — в былине о нашествии Батыя:

Видали, как молодец коня седлал,
Двенадцать подпруг со подпругою натягал,
Ис для басыты молодецкия, а для крепости богатырския.²⁴

Во-вторых — в былине об Илье Муромце и Сокольнике:

Походил Илья на конюший двор,
Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг шелковых,
Белого шелка Шемаханского,
Тринадцатую тянул через хребетную кость:
Не ради красы — ради крепости,
Чтоб не оставил добрый конь во чистом поле.²⁵

Обе формулы довольно близки к приведенным выше, но совпадения все же нет.

Былина о нашествии Батыя и бывальщина об Алеше Поповиче очень выразительно демонстрируют ту эпическую атмосферу, в которой создана «сказка», тот арсенал эпических мотивов и стилистических средств, которыми был вооружен ее создатель.

¹⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 44.

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 45.

²¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 46.

²² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, стр. 43.

²³ Там же, стр. 20.

²⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, стр. 40.

²⁵ Там же, стр. 14.